

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УДЕЛА АНДРЕЯ СТАРИЦКОГО: ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Рикардо Феликсович Иглесиас

Институт всеобщей истории РАН

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые спорные вопросы, касающиеся изменений в составе уделов, предусмотренных духовной Ивана III. В центре внимания находится Старицкий удел князя Андрея. Рассматривается первоначальный территориальный состав удела, возможное изменение его границ, уточняется время его образования. Проводится источниковедческий анализ поддельной грамоты Хвоцинских с целью выявить ее значение для ранней истории Алексинского уезда.

Ключевые слова: удел, Старица, князь, территориальные изменения, грамота Хвоцинских.

История последних русских уделов, изучение которой в последнее время значительно продвинулась вперед, по-прежнему таит немало загадок и нерешенных проблем. Как это часто бывает, каждый значимый прорыв в исследованиях рождает целую вереницу новых вопросов, многие из которых даже не могли возникнуть ранее. Одной из пока что недостаточно изученных проблем является территориальный состав уделов в их фактическом объеме, их соответствие географическим пределам, хорошо известным по духовным грамотам великих князей. В том, что касается уделов сыновей Ивана III, последнего поколения удельных князей, еще игравших или пытавшихся иг-

рать какую-то самостоятельную роль и ставших главными фигурами уже почти предсмертного, но отчаянного взлета удельной политики, историки, как правило, прямо констатируют или же предполагают по умолчанию, что все эти уделы были получены их законными наследниками в полном объеме и строгом соответствии с отцовским завещанием, оставаясь практически в тех же самых границах все время своего существования. Правда, время от времени в научной литературе высказывались и продолжают высказываться определенные сомнения на сей счет¹. Не всегда подобные сомнения оказываются оправданными². Поэтому каждое замеченное несоответствие между номинальным и фактическим составом того или иного удела нуждается в тщательной проверке. Следует подчеркнуть, что предметом нашего внимания, ограниченного в настоящий момент рамками удела Андрея Ивановича Старицкого³, станут в первую очередь не сведения о продаже, обмене или иной форме отчуждения отдельных сел, деревень, промысловых угодий и т.п., а прямые и косвенные данные о более значительных утратах (очень редко приобретениях) в объеме, как минимум, целой волости. Поскольку все такие изменения естественным образом вступают в противоречие с территориальными распоряжениями духовной грамоты Ивана III, последняя будет служить главным «приправочным» документом в наших поисках. Также будут рассмотрены явные и предполагаемые факты задержки с предоставлением отдельных частей утвержденного завещателем удела, а также их перманентного удержания великим князем.

1. В частности, в связи с уделом Андрея Старицкого см.: *Капитанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV–первой половины XVI в. М., 1967. С. 317; *Дедук А.В., Шеков А.В.* Писцовая книга Алексинского уезда 1627/1628–1628/1629 г. как источник по исторической географии Верховских княжеств // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2018. №3. С. 34.
2. Например, см.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 98; *Филлюшкин А.И.* Василий III. М., 2010. С. 135. — Ср.: *Иглесиас Р.Ф.* К вопросу о предполагаемом наследнике Василия III между 1505 и 1530 гг. // *Каптеревские чтения – 15 / Отв. ред. Н.П. Чеснокова.* М., 2017. С. 238, 239.
3. Для краткости мы будем называть его «Старицким уделом», понимая под этим политическое объединение различных уездов и волостей, находившихся под властью Андрея Старицкого, прозванного так по главному центру его удела.

Напомним, что Иван III завещал своему младшему сыну Андрею «город Вереву с волостми⁴, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Вышегорода⁵ с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Олейн⁶ с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с Волконою, и с Кониным, и з Гордеевым, и с Нюховою, и со всем с тем, что к тем местом потягло. Да ему ж даю город Любутеск с волостми, и со всеми пошлинами, и со всем, что к нему потягло, как было при мне, и с Веприным, что за одоевскими князми. Да с(ы)ну же своему Андрею даю у Москвы Гжелю, да Раменеицо со всем, что к ним потягло. Да что были к Дмитрову приданы волости Московские Селна, Гуслица, Загарье, Вохна, Кунеи, и яз те волости со всем даю с(ы)ну своему Андрею, а с(ы)нъ мои Юрьи в те волости у нег(о) не въступается ничем. А что в Селне д(е)р(е)вни деловые бортные Василцова ста Бекренево, Беляницино, Новое Беляницино, Харитоновское, Деденево, Нероново, Враниково, Якимовское, Новое Якимовское, да пустоши Лопаково, Исачково, Грибачево, и яз те д(е)р(е)вни и пустоши со всем даю с(ы)ну же своему Андрею, а с(ы)н мои Василеи у него в то не въступается. Да в Тверской земле даю ему город Старицу с волостми⁷, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами по тому, по каа места писал к Старице писец наш Борис Кутузов. Да даю ему Холмских вотчину, Холм и Новои городок, да волость Олешню, да волость Синюю⁸,

4. Список верейских станов по писцовой книге 1518/19 г. Г. Мешка Валуева см.: ДДГ. С. 423.
5. Вышегород на р. Протве (Там же. С. 442; *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 108; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 136).
6. Ошибка писца. Читай: «Олексин».
7. Список старицких станов и волостей по писцовой книге 1518/19 г. кн. Д. Волконского см.: ДДГ. С. 420.
8. Новое Городище, Холм и вол. Синяя, как и сопутствующие им топонимы и хоронимы, упомянутые в меновой грамоте 1566 г., надежно идентифицируются в бассейне р. Держи, правого притока Волги, на юго-западной окраине Тверской земли, хотя более точная локализация Холма все еще остается под вопросом (*Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. М., 2006. С. 41–43; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 176; *Малыгин П.Д.* Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской архео-

и иные волости, и пути, и села, со всеми пошлинами по тому, по каа места те отчины, и волости, и пути, и села писал писец н(а)ш Андреи Карамьшев»⁹.

Как известно, Андрей Иванович получил предназначенный ему удел далеко не сразу после кончины Ивана III, а намного позднее — в феврале или марте 1519 г.¹⁰ Однако в каком объеме? Из каких именно уездов и волостей состоял его удел изначально? Этот вопрос, как ни удивительно, занимал исследователей намного меньше, чем чисто политические аспекты, связанные с предоставлением этого удела.

Прежде всего следует оценить аргументы тех историков, которые не сомневались в том, что кн. Андрей получил свой удел в полном объеме. Такая убежденность, надо признать, не лишена вовсе источниковой базы. Ее главным и, пожалуй, единственным основанием — увы, чаще предполагаемым, чем цитируемым в ученых трудах — является обширный комплекс свидетельств, содержащийся в единственной сохранившейся, но и так и не вступившей в силу духовной грамоте Ивана IV, обычно датируемой 1572 г.¹¹ Для ее дополнения и конкретизации могут быть использованы две уцелевшие меновые грамоты (из не менее, чем четырех, существовавших изначально),

логический сборник. Тверь, 1994. С. 126; *Монин М.А.* Планета Тверь. Культура Тверского княжества периода независимости (1247–1485 гг.). М., 2016. С. 58, 59, 295, 296; карта: *Клюэ Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 386).

9. ДДГ. С. 360, 361 (здесь и далее цитаты приводятся в упрощенной орфографии). Кроме того, духовная грамота содержит перечисление завещанных Андрею подмосковных населенных пунктов: сел Ясенево, Сарыево, Юдино, слободки Колычевской и Голутвинского монастыря (Там же. С. 358, 359).
10. Фактический отпуск на удел состоялся в марте или апреле. ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 262, 263; М.–Л., 1959. Т. 26. С. 310; М., 1965. Т. 30. С. 144; М., 1978. Т. 34. С. 13; *Каиштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень имунитетных грамот XVI в. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 207. № 82; *Каиштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 209, 222; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 196; *Он же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 179, 180; Государственный архив России XVI ст.: Опыт реконструкции / Подг. текста и комм. А.А. Зимина. М., 1978. С. 150.
11. ДДГ. № 104.

составленные в 1566 г. и регулировавшие условия территориального обмена между Иваном IV и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, единственным сыном и наследником первого владельца Старицкого удела¹². Текст духовной уникален тем, что прямо и неоднократно называет различные комплексы земельных владений бывшего Старицкого удела, по мере их перечисления, принадлежавшими ранее не только кн. Владимиру Андреевичу, их предыдущему владельцу, но и его отцу, кн. Андрею Ивановичу. Этот принцип проводится абсолютно последовательно, почти без исключений¹³, так что по совокупности приведенных сведений удел В.А. Старицкого оказывается полностью идентичным, на уровне волости и уезда, уделу его отца¹⁴. Далее приводится полный список уездов и волостей (пропущены шаблонные указания на волости, не названные поименно), а также подмосковных сел, принадлежность которых отцу и сыну Старицким констатируется в духовной Ивана IV¹⁵, в сравнении с положениями духовной его деда, касающимися удела Андрея Ивановича.

12. Там же. № 102, 103. Никоновская летопись в своем продолжении сохранила сведения о четырех крупных менах, совершенных в 1563 и 1566 гг. и в конечном итоге вошедших в себя весь существовавший на то время Старицкий удел (ПСРА. СПб., 1906. Т. 13. 2-я пол. С. 372, 400).
13. Лишь подмосковные села Собакино и Туриново специально отмечены как «променянные» кн. Владимиру Андреевичу (ДДГ. С. 434; ср.: ПСРА. Т. 13. 2-я пол. С. 400), а затем, надо понимать, полученные обратно.
14. Официальная летопись также сообщает о передаче 25 декабря 1541 г. Владимиру Андреевичу отчины Андрея Ивановича — «вотчину ему отца его отдал» (ПСРА. СПб., 1904. Т. 13. 1-я пол. С. 140; Т. 13. 2-я пол. С. 439; М., 1965. Т. 29. С. 41). Правда, из этого известия территориальная идентичность обеих отчин не следует буквально, однако она очевидным образом подразумевается, по крайней мере, в отношении основного массива земель. Более того, независимая летописная традиция прямо утверждает, что великий князь «весь ей [вдове Андрея Старицкого, опекунке своего малолетнего сына – Р.И.] княж Ондревьской удел отдал» (Там же. Т. 34. С. 26). Таким образом, имеющиеся актовые и нарративные источники констатируют тождество территории Старицкого удела при Андрее Ивановиче, на рубеже 1541/42 гг. и в 1563–1566 гг., однако эти утверждения несут общий характер и нуждаются в дополнительной проверке.
15. ДДГ. С. 434, 442.

Духовная Ивана III ¹⁶	Духовная Ивана IV	Примечания
«на Москве» слободка Колычевская;	слободка Калычевская;	
монастырь Рождества Богородицы на Голутвине;	<i>нет соответствия</i>	
«из Московских сел» Ясенево, Сарыево, Юдино;	«сели у Москвы» Сараево, Едниское, Карташево, Ясенево ¹⁷ ;	<i>в духовной Ивана III нет соответствия</i>
«у Москвы» Гжеля, Раменейцо; «что были к Дмитрову приданы волости Московские» Селна, Гуслица, Загарье, Вохна, Кунеи;	«Замосковские волости» Раменейцов (так!), Загарье, Кунье, Вохна, Ена (так!) ¹⁸ , Гуслицы, Гжель;	<i>с. Карташеву</i>
г. Вышегород;	г. Вышегород;	
вол. Олешня;	вол. Алешня Воскресенское	
<i>нет соответствия</i>	и вол. Петровская ¹⁹ в Можайском у.;	
«в Тферской земле» г. Старица;	г. Старица;	
«Холмских вотчина» Холм и Новой городок, вол. Синяя;	Холм ²⁰ ; Погорелое Городище ²¹ с вол. Синей;	

16. Порядок перечисления изменен в соответствии с грамотой Ивана IV; текст духовной Ивана III см. выше.
17. В мартовской меновой грамоте 1566 г. эти села названы: «в Медвенском стану... Юдинское, Сарыево, Ясенево, Корташево» (Там же. С. 423, 424).
18. В той же грамоте фигурирует как Селна (Там же. С. 424).
19. Такая волость, насколько нам удалось установить, нигде более не упоминается. Возможно, «Петровская» — это искаженное «Поротовская», т.е. вол. Поротва, известная в более раннее время в Можайском у., в верховьях р. Протвы (Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 46; ср. в той же духовной «на реке на Петрове» вместо «Поротве»: ДДГ. С. 442). Передача Андрею этой волости выглядело бы логичной прибавкой к его владениям, включавшим ниже по течению Протвы Вереево и Вышгород.
20. В январской меновой 1566 г. «Холмские волости» (ДДГ. С. 421).
21. той же грамоте «Новое Городище» (Там же).

г. Оле[кс]ин с Волконой,
Кониным, Гордеевым и
Нюховой;

г. Любутск с Веприным;

г. Верея

г. Алексин с Волконой;
нет соответствия

нет соответствия

г. Верея

Как видим, наблюдается почти что полное тождество в территориальном составе Старицкого удела, каким он предстает в завещаниях Ивана III и Ивана IV. Из пяти отмеченных различий последнее является фактически несущественными. Название г. Любутска с приданной ему соседней волостью пропущено по чистой случайности, в сообщении официальной летописи, составленном на основе утраченной меновой грамоты²², упомянуты в качестве объектов мены «город Алексин, городище Любуцкое, Волково^{23»}²⁴. Из приведенного примера хорошо видно, что в несохранившемся тексте грамоты Любутск, ранее считавшийся центром особого уезда или городской волости, со временем превратился в городище и был присоединен к Алексинскому уезду в качестве второго по значимости центра, в тот же уезд, несомненно, оказались включенными и тянувшие к нему волости, включая Веприн. Что касается трех волостей, названных в духовной Ивана III вслед за Волконой, то их судьба сложилась различно. Нюхова, как будет показано ниже, выбыла из состава Алексинского уезда не позднее времени формирования Старицкого удела. В отношении двух других мы не располагаем ни актовыми источниками, ни иными историческими сведениями за указанный период. Касающаяся их меновая грамота 1566 г. не сохранилась, и даже соответствующее летописное известие, как мы видели, чрезвычайно лаконично. С другой стороны, молчание о них духовной Ивана IV может оказаться обманчивым. После Волконы в ней обобщенно обозначены иные

22. Это следует из аналогичных сообщений, копирующих омонимику сохранившихся грамот вплоть до случайных описок.

23. Очевидно, описка вместо «Волкона».

24. ПСРА. Т. 13. 2-я пол. С. 400.

волости²⁵, среди которых могут скрываться и Конин с Гордеевым. Оставшиеся несоответствия относятся к сравнительно незначительным объектам.

Несмотря на то что составитель духовной Ивана IV, как уже давно замечено, пользовался текстом духовной Ивана III (напрямую или через посредство несохранившейся духовной Василия III), он не копировал слепо ни первую, ни вторую, внося в предшествующий текст требуемые временем поправки. Но не допускал ли составитель некоторые искажения, механически относя перечисляемые им земельные комплексы сразу к обоим Старицким и не вдаваясь в несущественные для него различия между владениями того и другого? Прежде всего, настораживает отсутствие в меновых грамотах и регистрирующих их летописных сообщениях упоминания слободки Колычевской. Ее появления следовало бы ожидать в мартовской меновой 1566 г., в которой фигурируют все прочие московские села и волости. Если исключить, что эта мена была прописана в одной из не дошедших до нас грамот, не получившей отражения и на страницах летописи, останется лишь выдвинуть предположение, что соответствующая запись попала в этот раздел духовной по ошибке, под влиянием духовной Ивана III, и названная слободка никогда не входила в Старицкий удел. Помимо того, существуют сомнения в принадлежности к уделу Андрея Старицкого Холма и Нового Городка / Городища, а также волости Раменейце, но они не могут считаться вполне доказанными (см. ниже). Остальные перечисленные здесь владения Андрея Старицкого (за исключением волости Петровской), как будет видно из дальнейшего, достаточно надежно подтверждаются независимыми источниками.

Итак, хотя аккуратность изложенных в духовной Ивана IV сведений не во всем может вызывать доверие, подозрения в искажении ею территориального облика Старицкого удела времен кн. Андрея не получили на сегодняшний день бесспорного подтверждения. Тем не менее, простое сопоставление представленных в таблице данных (с учетом сделанных оговорок и уточнений) показывает, что удел А.И. Старицкого даже в максимально возможном его объеме не

25. ДДГ. С. 442.

включал всех территорий, предусмотренных завещанием Ивана III, и в таком урезанном виде он пребывал уже с самого начала своего существования²⁶.

Сохранились жалованные грамоты Андрея Ивановича на владения в Старицком, Вышгородском, Верейском, Алексинском уездах, а также в Селенской вол. Московского уезда.²⁷ В уже упоминавшихся летописных известиях говорится о передаче Андрею Ивановичу городов Старица, Верей, Вышгорода, Алексин (этот список в обеих летописях совпадает)²⁸. Власть Андрея Старицкого над теми же городами и уездными служилыми корпорациями подтверждается летописным рассказом, повествующим о событиях 1537 г., приведших к ликвидации Старицкого удела.²⁹ Это позволяет нам быть уверенными в том, что

26. Добавим к этому, чтобы покончить с менее крупными объектами, что, коль скоро «сверхдолжное» с. Карташево фигурирует уже в поземельном описании подмосковных владений А.И. Старицкого 1519/20 г., в котором в то же время, видимо, отсутствовали слободка Кольчевская и Голутвинский монастырь (ДДГ. С. 423, 424), значит, в Старицкий удел сразу же не вошла и часть положенных ему московских земель.
27. *Кашианов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 332. № 214 (1524 г., Верейск. у.), 215 (б.г., Стариц. у.); С. 342. № 303 (1534 г., Старица); ср. С. 333. № 227 (1525 г., Стариц. у., подробнее см. ниже); *Кашианов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень... С. 207–209. № 79 (б.г., Стариц. у.), 80 (б.г., Стариц. у.), 82 (1519 г., Вышгород. у. и Селенск. в. Москов. у.), 92 (1525 г., Стариц. у.), 94 (1526 г., Селенск. в. Москов. у.); АФЗХ / Подг. к печ. А.А. Зимин. М., 1956. Ч. 2. С. 172 (б.г., Алексин. у.); АСЗ. Т. 1. № 75 (1519 г., Алексин. у.). Заметим, что Вышгородском, Алексинским уездами и Селенской волостью кн. Андрей владел уже в марте – апреле 1519 г., причем одна из соответствующих грамот была выдана им в Верее (АСЗ. Т. 1. № 75). Еще одна жалованная грамота Андрея Старицкого на жеребий в Волконе, до недавнего времени считавшаяся очень поздней, но аутентичной копией с утерянного древнего акта, ныне должна быть исключена из числа полнотекстовых грамот, а достоверность ее смыслового ядра поставлена под серьезное сомнение (*Кашианов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень... С. 207. № 81; *Волконская Е. Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 17; ср.: *Хоруженко О.И.* Родословие как конструкция родовой памяти: Текстология родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 203–234).
28. ПСРЛ. Т. 6. С. 263; Т. 26. С. 310.
29. Там же. М.–Л., 1963. Т. 28. С. 356; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Он же. Русское летописание. М., 1979. С. 222.

вышеназванные уезды находились в руках кн. Андрея до самого конца существования его удела³⁰.

Сложнее обстоит дело с более мелкими территориальными единицами. Кроме уже названной вол. Сельна Московского уезда, актовым материалом засвидетельствована лишь принадлежность к Старицкому уделу Волконы (в Алексинском уезде),³¹ Дмитроковской волости (в Старицком уезде),³² а также Иворской и Болгарской волостей того же уезда³³. Что касается летописей, то Вологодско-Пермская называет в уделе Андрея Ивановича волости Олешню, Вохну, Гжель «и иные», а Софийская II ограничивается формулой «со всеми волостьми»³⁴. Если оба эти известия восходят к одному и тому же источнику, что судя по их содержанию и структуре кажется весьма вероятным, то такое существенное различие в отношении волостей выглядит довольно странно. Можно представить, что исходный текст содержал уточнение «со всеми волостьми» после перечисления городов, а вслед за тем давал, по образцу духовной Ивана III, еще перечень волостей, относящихся или относившихся ранее к соседним уездам³⁵. Две из трех названных волостей действительно тянули, согласно тексту завещания, к Москве³⁶. Волость Олешня отнесена в нем к Холму и

30. На это указывают и жалованные грамоты Ивана IV, выданные на земли тех же уездов, а также Селенской вол. вскоре после ликвидации Старицкого удела (Каиштанов С.М. Хронологический перечень... № 359, 360, 361; Каиштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень... № 190).
31. АФЗХ. Ч. 2. С. 172. Это духовная 1543/4 г. Г.М. Валуева, в прошлом служилого человека Андрея Старицкого, ретроспективно упоминающая утверждение за ним государем князем Андреем Ивановичем полученного приданого в виде жеребья одной из вотчин Волконских «в Волкони».
32. Каиштанов С.М. Хронологический перечень... С. 332. № 215.
33. Каиштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень... С. 208. № 92; Каиштанов С.М. Хронологический перечень... С. 333. № 227 (название волости в грамоте отсутствует, но надежно выводится из аналогичных актов).
34. ПСРА. Т.6. С. 263; Т. 26. С. 310.
35. Содержал ли он только те же три названия или был более исчерпывающим, остается неизвестным.
36. Полный список московских («замосковских») волостей Андрея Старицкого может быть извлечен из краткого сообщения об описании подмосковных волостей и сел, выполненном в 1519/20 г. кн. А. Ростовским (ДДГ. С. 423, 424). Список этот почти полностью совпадает с соответствующим распоряжением в

Новому городку³⁷. Если бы она была просто еще одной волостью «в Тверской земле», включенной в Старицкий удел независимо от трех перечисленных тверских городов, следующие затем слова «и иные волости» были бы непонятны, так как давали бы кн. Андрею право претендовать на любые другие волости Тверской земли. Значит, их следует понимать как совокупное обозначение волостей, традиционно зависевших от Холма и Нового городка³⁸ (после этих имен отсутствует положенное стандартным формуляром «с волостями»), тогда как волости Олешня и Синяя, видимо, были лишь недавно причислены к названным городам³⁹ и потому, как это можно видеть и в других местах духовной, поименованы особо (заключительная часть того же предложения представляет собой вполне стандартное завершение клаузулы, посвященной Холму и Новому городку). О принадлежности Олешни и Синей к этим городам говорит и бесспорное причисле-

духовной Ивана III (Там же. С. 360). Исключение составляет отсутствующая в нем вол. Раменейце (ср.: Там же. С. 434; подробнее см. ниже).

37. Фразеология и структура соответствующей статьи духовной бесспорно указывает на то, что Холм и Новый городок рассматривались ее составителями как два центра единого административно-политического комплекса. В земельных описаниях 1519/20 и 1529/30 гг. выступают уже по отдельности (но с некоторыми синтаксическими следами недавнего единства, сохраненными меновой грамотой 1566 г., донесшей до нас эти сведения) «Новое Городище» (прежний Новый Городок) с посадами и станами и вол. Синей и «Холмские волости» без упоминания городского центра (одна из этих волостей носит название «Кривой Холм») (Там же. С. 421; ср: С. 442). Если Холм действительно утратил к рассматриваемому времени свой статус фактической столицы одноименного удела, предположительно перенесенной в Новый Городок / Новое Городище, то упоминание его на первом месте в духовных Ивана III и Ивана IV можно признать всего лишь данью еще живой удельной традиции. Восстановление прежнего порядка перечисления в последней можно объяснить не только ее текстуальной зависимостью от духовной Ивана III, но и возможным возвратом, после превращения «городка» в «городище» и даже в «погорелое городище», в Холмском уделе к старой иерархии поселений.
38. См.: Там же. С. 421.
39. Известно, что Олешня, как и некоторые другие соседние волости, в конце XIII в. находилась во владении тверских епископов (*Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. С. 99, 219, 370; *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 74, 92). Возможно, что Синяя относилась к тому же комплексу земель, точный состав которых неизвестен.

ние их в тексте духовной к землям, описанным одним и тем же писцом и, по всей видимости, одновременно⁴⁰. Однако приписка двух названных волостей к кадастровому округу (уезду) Холма–Нового городка совсем не обязательно должна означать принадлежность их к собственно «вотчине» Холмских. Их включение в то же самое писцовое описание могло быть обусловлено территориальной близостью, а также удаленностью этих волостей от других регионов Тверской земли⁴¹.

Означает ли вывод о фискально-административной принадлежности Олешни, что в состав реального Старицкого удела входили также и Холм с Новым городком и, следовательно, приведенный в летописях перечень переданных Андрею городов неполон? Или же Олешня была отдана Старицкому без того городского округа, к которому она относилась? Изучение духовной Ивана IV позволяет предложить несколько иной ответ. Если доверять летописным известиям, Олешня была отдана Андрею Ивановичу в первой трети 1519 г. Между тем, описание уезда Нового Городка / Городища состоялось не ранее сентября того же года⁴². Действительно, в писцовой книге 1519/20 г. кн. В. Голубого-Ростовского⁴³ Олешня, в отличие от Синей, видимо, не фигурировала⁴⁴. С другой стороны, в духовной Ивана IV волость Алешня значится среди бывших старицких владений уже в составе соседнего

40. Описание Холма и Нового городка Андреем Карамышевым имело место в 1491/92 г. (ПСРА. СПб., 1901. Т. 12. С. 232).

41. Обращает на себя внимание, что в другом месте духовной Ивана III «отчины» и «волости» названы параллельно. Однако это может быть всего-навсего следствием неудачного обобщения, ведь в одном ряду с ними здесь названы «и пути, и села», которые никак уже невозможно воспринимать отдельно от первых, не говоря о том, что под понятие «волости» здесь явно подведены не только две приписные, но и прочие волости, издавна тянувшие к Холму (ср.: ДДГ. С. 421).

42. Там же.

43. А.Ф. и В.Ф. Голубого Ростовские служили в уделе Андрея Старицкого (Бенцианов М.М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. №4(50). С. 68; 2013. № 1(51). С. 17, 18). Автор статьи считает оба руководимых ими земельных описания фактом их удельной службы. Если так (что совсем не очевидно), то эти описания должны относиться уже ко времени правления Андрея Старицкого в своем уделе.

44. ДДГ. С. 421; ср.: С. 442.

Можайского уезда⁴⁵. Этим фактам можно дать такое толкование, что Олешня /Алешня еще в начале 1519 г., если не ранее, была выведена из территориального объединения с Холмом–Новым Городком и включена в состав принадлежавшего Василию III Можайского уезда, а затем уже в новой своей ипостаси передана Андрею⁴⁶. Однако передача удельному князю волости, включенной в не принадлежащий ему уезд, вызывает вопросы. Такое сочетание было предусмотрено завещанием Ивана III лишь для земель Московского уезда, сохранявших особый статус, и теперь неизбежно породило бы массу трудноразрешимых юридических коллизий, связанных с осуществлением княжеского суверенитета. Кроме того, оторвать от удельного уезда удельную же волость и включить ее в великокняжеский уезд, оставив в то же время в составе удела, — комбинация слишком сложная и малопонятная, чтобы рассматривать ее всерьез. Возможно, Олешня все же была

45. Там же. С. 442. Поэтому едва ли Олешня тождественна с дер. Алешево в нижнем течении р. Держи (Борзаковский В.С. История Тверского княжества. С. 42). В.А. Кучкин, также отвергший мнение В.С. Борзаковского, приблизительно локализовал Олешню между рр. Шешмой и Вазузой, к западу от Синеи (Кучкин В.А. Формирование... С. 149, 150, 186 (карта)). Но его локализация неточна, эта Олешня по всем признакам должна была находиться на другом берегу Вазузы, близ д. Алешино (см.: Специальная карта Европейской России / Изд. Военно-топографический отдел Генерального штаба, ред. Генерального штаба полк. Стрельбицкий. Пг., 1915. Л. 4 [43]), т.е. в местности, принадлежность которой Смоленской земле является общепризнанной (в частности, см. карты, приложенные к той же книге В.А. Кучкина). В этом регионе есть еще р. Алешня, правый приток Гжати, но и она расположена на старинных смоленских землях, вдали от тверских рубежей. Оба отождествления, т.о., неприемлемы, если только не считать Олешню анклавом, приобретенным тверскими владыками на смоленской территории. Последнее предположение, если нами были верно отождествлены тверская Олешня и можайская Алешня, не кажется таким уж абсурдным.
46. Вероятно, вместе с ней была передана и вол. Петровская, отсутствующая в духовной Ивана III, но названная позднее вместе с Алешней-Воскресенским как бывшее владение А.И. и В.А. Старицких в Можайском у. (ДДГ. С. 442). Она могла служить, как уже говорилось, компенсацией за земли, удержанные Василием III при формировании Старицкого удела. Продолжатель Никоновской летописи делает из двух этих волостей три, разделив Алешню-Воскресенское на вол. Олешню и вол. Воскресенскую (ПСРА. Т. 13. 2-я пол. С. 372), однако его информация вторична по отношению к документам великокняжеской канцелярии.

включена в описание 1519/20 г., а в Можайский уезд она была передана уже после ликвидации Старицкого удела в 1537 г., затем была описана заново и уже по новому описанию и отдельно от тверских волостей пошла в мену⁴⁷.

Близкий к действительности перечень принадлежавших Андрею Ивановичу верейских и старицких волостей может быть установлен на основании кратких сведений об описании соответствующих уездов, произведенном в 1518/19 г.⁴⁸ Оба описания были, видимо, приурочены к передаче названных уездов Андрею.

Определив и проанализировав положительные сведения о территориальном составе Старицкого удела, можно перейти к рассмотрению «негативной» информации, т.е. такой, которая касается территорий, включенных в удел кн. Андрея завещанием Ивана III, но фактически оставшихся вне его. Наиболее ярким примером такого рода является, как справедливо отметили А.В. Дедук и А.В. Шеков⁴⁹, волость (точнее, по тексту духовной, «место») Нюхова. Поместная грамота на деревни и жеребьи в Нюховском стане «в Тульском уезде», недавно переизданная, была выдана именем великого князя Василия III и имеет дату 19 февраля 1519 г.⁵⁰ Неопределенность с точной датой отпуска кн. Андрея на удел не позволяет уверенно утверждать, что грамота была издана уже во время существования Старицкого удела. Но это в данном случае не так важно. Даже если пожалование было осуществлено великим князем незадолго до фактического формирования удела и если можно счесть целесообразным предоставление поместья, которое в скором времени должно оказаться в чужих руках, все равно остается очень веская причина считать Нюхову отчужденной от удела Андрея Старицкого. Включение Нюховы в Тульский уезд, территория которого не предназ-

47. Тогда и волость Петровскую, если она на самом деле принадлежала уже кн. Андрею, надо будет признать одной из старых холмских волостей, разделившей судьбу своей соседки. Дополнительные соображения относительно «вотчины» Холмских и ее отношений к Старицкому уделу изложены ниже.

48. ДДГ. С. 420, 423.

49. Дедук А.В., Шеков А.В. Писцовая книга Алексинского уезда... С. 34.

50. АСЗ. М., 2008. Т. 4. № 453.

началась в удел Андрею⁵¹, с одновременным ее исключением из передаваемого этому князю Алексинского уезда очевидным образом имело целью отстранить Андрея Ивановича от управления Нюховой. Сложно как-то иначе истолковать этот акт великокняжеской власти (соответствующие аргументы были изложены при рассмотрении судьбы волости Олешня). Поэтому не только вполне возможно, но даже необходимо, по совокупности сопутствующих обстоятельств, считать Нюхову примером волости, изъятой из Старицкого удела при его формировании и, очевидно, не имевшей к нему более никакого отношения. Нюхова пока что остается единственным доказанным случаем выбытия компактной территории из состава Старицкого удела.

Другой эпизод, принимаемый иногда за такого рода «негативное» известие, в действительности не является таковым. В литературе уже отмечалось существование подтвердительной грамоты Василия III от 16 августа 1525 г. на вклад в Троице-Сергиев монастырь — вотчину П.В. Киндырева в Старицком уезде⁵². Происхождение этого акта, в известном смысле нарушающего прерогативы удельного князя в его уезде, остается не до конца ясным. К сожалению, данный документ не был удостоен комментария в АРГ, обошел его вниманием и С.М. Каштанов в своей ранней монографии, изобилующей почти детективными гипотезами по поводу даже самых рядовых на вид жалованных грамот. Возможно, выдачу данной грамоты следует связывать с тщательным контролем великокняжеской власти за ростом монастырского землевладения. Заметим, что не далее как двумя с половиной месяцами ранее Андрей Иванович уже выдал весьма щедрую жалованную грамоту тому же бенефициару на ту же самую вотчину⁵³. Для нашей темы наиболее важным является прямое указание в тексте грамоты, что передаваемая монастырю вотчина находится «в брата

51. Строго говоря, Тула вообще не упомянута в духовной Ивана III, и Тульского уезда во время ее составления просто еще не существовало. Однако основную территорию уезда составляли земли, переданные отцом Василию III, который, конечно же, не стал бы по собственной воле расширять удел младшего брата.

52. *Каштанов С.М.* Хронологический перечень... № 227; АРГ. № 250.

53. АРГ. № 249.

нашего отчине князя Андрея Ивановича»⁵⁴. Существенно также то, что великий князь не санкционирует иммунитетные пожалования своего брата, а лишь подтверждает сделанный третьим лицом вклад. Таким образом, даже если издание подобного акта демонстрирует определенное пренебрежение великого князя к удельным традициям, о его посягательстве на территорию Старицкого удела в данном случае не может быть речи. Аналогичная «вольность» была допущена Василием III в 1518 г. в отношении удела Юрия Дмитровского⁵⁵ — намного более могущественного и амбициозного удельного государя, нежели Андрей Старицкий.

Не совсем ясна ситуация с еще одним аналогичным явлением. В 1510 г. Василий III выдал жалованную грамоту на населенные пункты в Тверском уезде и в Иворской волости Старицкого уезда⁵⁶. Сам факт распоряжения со стороны великого князя волостями и уездами, отнесенными в духовной Ивана III к уделу кн. Андрея, если такая мера имела место до начала 1519 г., не представляет ничего экстраординарного и, как уже говорилось, не имеет значения для определения реальной территории удела. Но данный случай отличается двумя особенностями, которые не встречались нам ранее в сочетании. С одной стороны, грамота имеет подтверждение Ивана IV 1534 г. С другой, сама она известна лишь из более поздней грамоты того же монарха (1555 г.), что не дает нам полной уверенности в правильной передаче оригинального текста подтверждения. Если подтверждение относится только к части, касающейся Тверского уезда, то грамота не меняет наших представлений о территории Старицкого удела. Именно такое ее толкование подтверждается наличием жалованной грамоты кн. Андрея на владения в той же волости, выданной в 1525 г.⁵⁷ Предположить повторный переход волости в руки великого князя между 1525 и 1534 гг. без более веских оснований было бы слишком рискованно.

54. Там же. № 250.

55. *Капитанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень... С. 206. № 77.

56. Там же. С. 205. № 61. К сожалению, текст сохранившийся грамоты оказался недоступным.

57. Там же. С. 208. № 92; АФЗХ: Акты московского Симонова монастыря. № 249.

Наконец, на реконструируемой карте фактической территории Старицкого удела существуют и внушительных размеров «белые пятна», не позволяющие при нынешнем состоянии наших знаний сказать что-либо определенное об их вхождении или невхождении в состав реальных владений Андрея Старицкого. Начнем с непростого казуса «замосковской» волости Раменейце, уже давно отмеченного С.М. Каштановым⁵⁸. В апреле 1507 г. Василий III выдал жалованную грамоту Симонову монастырю на ряд подмосковных сел и деревень, частично расположенных в «Раменце»⁵⁹, одной из волостей, предназначенных духовной Ивана III его брату Андрею. Конечно, само по себе распоряжение Василия III данной волостью в 1507 г., когда Старицкий удел еще не существовал в реальности, не может свидетельствовать о ее изъятии из этого удела. Намного важнее для нас факт подтверждения той же жалованной грамоты в полном объеме от имени Ивана IV в феврале 1534 г.⁶⁰ В это время Андрей Старицкий здравствовал и управлял своей «отчиной». Поэтому пребывание в указанном году Раменейца в руках великокняжеского правительства подразумевает, по всей видимости, нахождение данной волости вне Старицкого удела во все время правления Василия III, умершего несколькими месяцами ранее, или же ее утрату Старицким в какое-то более раннее время. Правомерность данного вывода практически не вызывает сомнений. Оспорить его можно было бы, лишь поставив под сомнение ясный и недвусмысленный текст подтверждения, например, при помощи гипотезы, что последнее по умолчанию не распространялось на владения в Раменейце, чья принадлежность Андрею Старицкому ни для кого не была секретом. Однако натянутость и бездоказательность подобных предположений представляется самоочевидной. Основная проблема состоит в том, чтобы примирить сведения рассмотренной жалованной грамоты с показаниями духовной Ивана IV. Это можно сделать, пожалуй, лишь одним логически допустимым способом — приняв из предложенной выше альтернативы вариант потери кн. Анд-

58. *Каштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 317.

59. АФЗХ: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 г.) / Сост. Л.И. Иванова. Л., 1983. № 4; *Каштанов С.М.* Хронологический перечень... С. 313. № 55.

60. Там же.

реем волости Раменейце. Наиболее приемлемой контекстуализацией такого предположения представляется конфискация какой-то части старицких владений в ходе бурных событий, сопровождавших кончину Василия III и вступление на престол его малолетнего наследника. Однако существует еще одно обстоятельство, заставляющее сомневаться в действительной принадлежности волости Раменейце Андрею Старицкому. В перечне подмосковных сел и волостей, положенных в письмо в 1519/20 г., упомянуты все владения, принадлежавшие позднее кн. Андрею, за исключением Раменейца. Само же Раменейце пошло в мену по писцовой книге 1555/56 г.⁶¹ Это именно та дата, которая не противоречит подтвердительным записям на жалованной грамоте 1507 г. — ни уже упомянутой записи 1534 г., ни другой, 1551 г. Вполне возможно, что только в это время Раменейце и было передано в Старицкий удел, но уже не Андрею, а его сыну Владимиру, а в общий список старицких владений в духовной Ивана IV оно попало «за компанию» с другими «замосковскими» волостями, действительно принадлежавшими Андрею Ивановичу.

Наиболее интересна и в то же время наиболее трудна для изучения холмская часть предназначенного Андрею Ивановичу удела. Источники по истории Холмского удела Тверской земли и его князей второй половины XV – первой трети XVI вв. представлены крайне скудно. Неизвестен вполне территориальный состав удела, форма владения и точное число отчичей, неизвестны и их жалованные грамоты.⁶² Однако упоминание в духовной Ивана III «вотчины» Холмских предполагает сохранение ими, хотя бы отчасти, княжеских прав на свой

61. ДДГ. С. 423, 424.

62. А.А. Зимин считал кн. Дан. Дм. Холмского, знаменитого московского воеводу последней трети XV в., «князем-изгоем», перешедшим, в то время как Холмским княжеством предположительно овладел его старший брат, на службу вел. кн. Ивана III, что, как следует из общего изложения, означало для него фактический разрыв связей со своим родовым уделом (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988. С. 112). Мы не обнаружили фактических данных, подтверждающих эту точку зрения. Напротив, есть все основания предполагать сохранение им и его потомками какой-то доли в отчине холмских князей с соответствующими княжескими правами (см.: Клюг Э. Княжество Тверское. С. 358).

удел. Подчинение холмских князей власти московского государя, а затем его удельного сына (с возложением на них обязательства личной службы великому князю⁶³) не означало еще ущемления их прав, поскольку последние могли перенять только властные прерогативы, принадлежавшие ранее великим князьям Тверским. Характеристика в великокняжеском завещании Холма и Нового Городка исключительно как «вотчины» (или «отчин») местных князей предполагает сохранение ими удельной власти над всей означенной территорией (возможно, кроме Олешни и Синеи). Следовательно, в данном случае кн. Андрей Иванович получил в свои руки не просто совокупность волостей, готовых составить еще один уезд Старицкого удела, но компактное территориальное владение под властью местной династии служилых князей, сохранявшее отчетливые черты (а не просто неопределенные «следы») политической автономии. К сожалению, в настоящее время недостаточно данных, позволяющих хотя бы немного прояснить крайне интересный вопрос о практических взаимоотношениях между разными уровнями княжеской власти, определявших политико-юридическое бытие этого «удела в уделе». Можно, тем не менее, предположить, что именно специфический *modus vivendi*, установленный (особым dokonчанием?) между Андреем Старицким и владетельными князьями Холмскими, исключал или затруднял выдачу первым жалованных грамот на данный комплекс земель⁶⁴. А это, в свою очередь, подводит нас к предположению, что отсутствие таких грамот само по себе не может считаться достаточным свидетельством того, что Холм и Новый Городок не были переданы в 1519 г. в Старицкий удел. Таким образом, вопрос о подведомственности отчины князей Холмских Андрею Старицкому следует оставить открытым. Еще одной нерешенной проблемой остается очень позднее описание «Холмских волостей» и Нового Городища с его посадами (1529/30

63. ДДГ. С. 357.

64. Возможно также, что эти грамоты, если они существовали, были очень немногочисленными и просто не сохранились, как и сведения о них. Для полноты картины следует отметить, что неизвестны и жалованные грамоты Василия III на Холм и Новый Городок.

г.)⁶⁵ (его станы и зависимая от него волость Синяя, напомним, были описаны еще в 1519/20 г.). Загадочны как хронологическое приурочение этого описания, так и его цели и даже его заказчик⁶⁶. Если в 1519/20 г. само Новое Городище с посадами не было включено в писцовые книги, то его одновременное описание с «Холмскими волостями» было, вероятно, связано с какими-то переменами в положении князей Холмских. Можно в связи с этим предположить, что ок. 1519 г. состоялась не столько функциональный, сколько территориальный раздел власти между Андреем Старицким и Холмскими, в результате чего первый получил в свое распоряжение станы Нового Городка / Городища и примыкавшую к нему волость Синюю, вторые — само это поселение (вероятную в то время столицу Холмского княжества) с его посадами и соседние «Холмские волости». В таком случае ок. 1530 г. могла состояться передача Старицкому еще не подконтрольной ему части Холмского удела.

Неясной остается историческая траектория волостей («мест») Конин и Гордеев. Проблема Гордеева осложнена еще и нерешенностью вопроса о географическом положении этой волости. Как уже

65. ДДГ. С. 421. Руководил описанием Василий Полукарпов Ромейков (Там же). Вероятно, это одно лицо с сыном боярским Василием Полукарповым, исполнявшим различные дипломатические поручения от имени Василия III в 1520 и 1522 гг. (ПДСПЛ. С. 574 и сл., 611 и сл.). М.М. Бенцианов, не рассматривавший предложенное отождествление, полагает, что на время проведения описания В. Полукарпов Ромейков состоял на службе у Андрея Старицкого (Бенцианов М.М. Двор князя Андрея Старицкого... №4 (50). С. 71). Ромейковы были давними землевладельцами Старицкого уезда, но служба отдельных представителей рода (фактически, помимо спорного случая с В. Полукарповым, приводится еще лишь одно имя) Андрею Ивановичу не являлась общим правилом (Там же. С. 70).
66. Принимая во внимание тот факт, что почти все лица, описывавшие в разное время реальные или номинальные (не переданные в соответствии с духовной Ивана III) земли Старицкого удела, были так или иначе связаны с этими землями или даже прямо известны как вассалы Андрея Старицкого, представляется особенно важным установить в каждом отдельном случае, проводились ли эти описания уже после их поступления (иногда лишь предполагаемого) на удельную службу или ранее этого времени, возможно, что и одновременно с их переходом в удел, скажем, во исполнение специального поручения, имеющего целью связать их службу великому князю со службой в уделе. Вопрос этот, крайне сложный ввиду дефицита необходимой информации, имеет принципиальное значение и заслуживает специального рассмотрения.

сказано, их отсутствие в духовной Ивана IV может быть кажущимся, не связанным с фактической утратой их территории. Не исключено, тем не менее, что они (или один из них), подобно Нюхове, был(и) изъят(ы) из Старицкого удела еще на стадии его становления или какое-то время спустя. Конин позднее фигурирует как один из станов Алексинского уезда. Территория Гордеева, более не упоминаемого источниками, со временем, вероятно, стала частью Тульского уезда⁶⁷. Косвенным указанием на то, что две эти волости все же входили в состав Старицкого удела, может служить наличие данных лишь об одной волости, добавленной к уделу Андрея предположительно в качестве компенсации, из чего можно заключить, что и потеряна была им всего только одна волость — уже известная Нюхова.

А.А. Зимин предполагал, что перед смертью Василий III, духовная которого не сохранилась, завещал Андрею Старицкому выморочный Волоцкий удел⁶⁸. Такое предположение представляется недостаточно обоснованным и лишено как подтверждения в источниках, так и прямых precedентов⁶⁹. В любом случае, передача Андрею Волока, как

67. В настоящее время нами готовится к публикации статья, в которой будут подробно рассмотрены вопросы, связанные с формированием территории Алексинского и Тульского уездов.
68. Зимин А.А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Кн. 24. С. 284–286; Он же. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 225; Он же. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России. М., 1977. С. 127.
69. Официальное летописание говорит лишь о том, что кн. Андрей в январе 1534 г. «припрашивал к своей вотчине городов» (т.е. не одного только Волока, если последний входил в их число) «чрез отца своего благословение и чрез [его же — Р.И.] духовную грамоту» (о духовной Василия III нет ни слова; если же последние слова с явной натяжкой отнести к этому государю, то летописный текст прямо опровергнет изложенную гипотезу), но городов ему не дали, а «почтили его, как прежде того по преставлении великих князей братье давали, а ему дали и свыше» — но только из движимого имущества (ПСРА. Т. 8. С. 292; Т. 13. 1-я пол. С. 91; Т. 13. 2-я пол. С. 428; Т. 29. С. 132). Даже если признать это отсутствие ссылок на завещание Василия III тенденциозным умолчанием позднейшего летописца, невозможно игнорировать данные аутентичных документов. В сохранившейся копии крестоцеловальной записи Андрея Ивановича Ивану IV и его матери также имеется ссылка на духовную Ивана III, но не Василия III, как на источник его прав и обязанностей, при этом упомянут лишь «наказ» последнего жене и наследнику с самыми общими наставлениями в отношении кн.

и любых других уездов или волостей, не имела места ни в указанное время, ни позже⁷⁰.

Итак, мы пришли к следующим основным выводам относительно территориального состава удела Андрея Старицкого.

- 1) Совпадение списка принадлежавших Андрею Ивановичу городов, известных по его жалованным грамотам, и того их списка, который содержится в двух независимых друг от друга летописных сообщениях — за 1519 г. (известно в двух редакциях) и за 1537 г., — позволяет уверенно утверждать, что эти города (Старица, Веряя, Вышгород и Алексин) вместе с их уездами (одно, как известно, в ту эпоху обычно предполагало другое) действительно вошли в начале 1519 г. в состав Старицкого удела и пребывали в нем (надо полагать, непрерывно) вплоть до самого конца существования этого удела в 1537 г.

Андрея (СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 163. С. 452; ср.: Там же. М., 1819. Ч. 2. № 31. С. 39). Аналогичные записи Владимира Андреевича 1553 и 1554 гг. в вопросе о татарском выходе отсылают только к духовным грамотам Ивана III и Ивана IV (последняя, к большому сожалению для нас, не сохранилась) (Там же. Ч. 1. С. 461, 463, 466). Все это, очевидно, исключает наличие в завещании Василия III каких-либо существенных распоряжений касательно Старицкого удела. Ср.: *Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 102. Ссылка А.А. Зимина на показания Государева родословца, сохранившиеся в составе «Бархатной книги», вызвана, по всей видимости, недоразумением. Приведенная историком цитата, отнесенная им к главе о Волоцких князьях, должна, несомненно, образовывать особый раздел, посвященный князьям Старицким, который в силу очень небольшого объема и отсутствия названия удела не получил соответствующей рубрикации и визуально примкнул к предыдущей главке (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... изданная по самовернейшим спискам / Изд. Н.И. Новиков. М., 1787. Ч. 1. С. 23). Этот вывод неизбежно вытекает из сравнения порядка следования глав, посвященных уделам, с порядком перечисления имен князей-родоначальников соответствующих династий в общем родословии великокняжеских сыновей (Там же. С. 17, 18). О том же говорит и отсутствие иного раздела, относящегося к Старицким князьям. Несоответствие предполагаемого им смысла данного родословного известия реальному положению вещей отмечал уже сам автор (Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 127, прим. 138).*

70. ПСРА. Т. 8. С. 292, 293; Т. 13. 1-я пол. С. 91, 92; Т. 13. 2-я пол. С. 428, 429; Т. 29. С. 132, 133; ср.: Т. 6. С. 301; Т. 26. С. 318, 323; *Зимин А.А. Княжеские духовные грамоты... С. 286; Он же. Реформы Ивана Грозного. С. 243; Он же. Крупная феодальная вотчина... С. 128, 129.*

- 2) Эти же четыре уезда составляли территориальное ядро Старицкого удела, основной домен Андрея Старицкого и главную базу формирования его войска. Этим обусловлено их эксклюзивное упоминание в летописях и то отражение, которое те же земли нашли в сохранившемся актовом материале. Концепция, предполагающая, что в удел Андрея Старицкого входили исключительно эти города и уезды (не считая некоторых обособленных волостей), не находит безусловного подтверждения, хотя и не может на настоящем этапе исследований быть совершенно отброшена.
- 3) Любутский уезд, хотя и не засвидетельствованный прямо как часть Старицкого удела, почти наверное принадлежал Андрею, но, вероятно, был уже в то время включен в состав более крупного Алексинского уезда.
- 4) Остается под вопросом принадлежность к Старицкому уделу земель, относившихся к отчине князей Холмских и к писцовому уезду Холма и Нового Городка, за исключением волости Олешня (Алешня). С нашей точки зрения, наиболее вероятной и непротиворечивой выглядит версия о разделе этих территорий в 1519 г. между Андреем Ивановичем (сельские станы Нового Городка, приписные волости Олешня и Синяя) и служилыми князьями Холмскими, наследниками Холмского удела (сам Новый Городок, впоследствии Новое Городище, с посадами и «Холмские волости»). Возможно, ок. 1530 г. и оставшаяся часть Холмского удела была передана Андрею Старицкому. Неизвестной также остается система взаимоотношений между московским удельным князем и служилыми князьями Тверской земли, переданными под его власть по духовной Ивана III, как и то, признали ли вообще Холмские суверенитет Андрея Старицкого над их уделом. Неясно, перерос ли неизбежный в этом случае конфликт интересов в открытый политический конфликт и был ли он разрешен предполагаемым разделом земель.
- 5) Частью Старицкого удела стали также предназначенные Андрею волости Московского уезда (Сельна, Гжель, Вохна и др., вероятно, за исключением Раменейца) и три подмосковных села. Одно или два из менее крупных владений под Москвой были оставле-

ны Василием III за собой, причем Андрею была предоставлена компенсация в виде еще одного села. Из тех волостей, что были названы в духовной Ивана III поименно в составе других уездов, Андрею Старицкому несомненно принадлежали Волкона в Алексинском уезде и Олешня (Алешня), приписанная при Иване III к Холму и Новому Городку, в Тверской земле (возможно, хотя и не очень вероятно, что при передаче последней в Старицкий удел она была выведена из состава Тверской земли и причислена к Можайскому уезду). Также можно утверждать на основании сохранившихся данных о земельных описаниях, очевидно приуроченных к созданию удела Андрея Старицкого, что в Старицкий удел вошла волость Синяя, названная в духовной Ивана III рядом с Олешней. Высока и вероятность принадлежности Андрею любутского Веприна.

- 6) Неясной остается принадлежность Андрею Старицкому приписанных алексинских волостей Кониная и Гордеева. Власть Андрея над Конином косвенно подтверждается зафиксированным в более поздних источниках пребыванием Конинского стана в составе Алексинского уезда.
- 7) На сегодняшний день установлены две волости, которые должны были стать частью удела Андрея согласно завещанию Ивана III, но не были включены в этот удел ни в 1519 г., ни в более позднее время. Это волость Нюхова, переданная не позднее 1519 г. из Алексинского в Тульский уезд, и, вероятно, волость Раменейце в Замосковном крае, узурпированная Василием III к 1507 г. и по-прежнему оставшаяся в великокняжеском домене в 1534 г. (принадлежность последней в течение какого-то времени Старицкому уделу все же нельзя исключать).
- 8) Пример волости Нюхова показывает, что из Старицкого удела могли быть изъяты не только обособленные волости Московского уезда, но и некоторые из тех волостей, которые тянули к уездам, действительно включенным в состав этого удела. Число таких волостей и их географию на сегодняшний день невозможно определить даже приблизительно. Их выявление представляет еще одну важную задачу будущих изысканий.

- 9) Известна только одна волость («Петровская», Поротовская (?), в Можайском уезде), не предусмотренная завещанием Ивана III, но входившая, согласно неподтвержденным сведениям духовной Ивана IV, в удел Андрея Старицкого. Эта волость, по-видимому, представляла собой территориальную компенсацию Андрею за волость или волости, недодаваемые ему или же изъятые из его удела.
- 10) О том, что какие-то из переданных Андрею уездов или волостей были включены в состав его удела не одновременно с его формированием или были изъяты из Старицкого удела ранее времени его ликвидации, достоверных сведений нет. Однако остается вероятной гипотеза о передаче Андрею Старицкому Нового Городка / Нового Городища и «Холмских волостей» ок. 1530 г., а также о конфискации у него волости Раменейце ок. 1533 г.
- 11) Данные единственной сохранившейся духовной грамоты Ивана IV, представляющей исключительную важность для реконструкции территориального состава удела Андрея Старицкого и содержащей уникальные сведения о принадлежности последнему целого ряда территорий, не могут считаться совершенно надежными, так как этот документ ориентирован в первую очередь на географические реалии «младшего» Старицкого удела времен Владимира Андреевича, упоминая о принадлежности соответствующих земель его отцу лишь попутно и в некоторых случаях, по-видимому, механически либо обобщенно, без учета частных территориальных различий между крупными земельными комплексами. Поэтому все показания духовной Ивана IV в отношении «старшего» Старицкого удела нуждаются в тщательной проверке и должны использоваться с большой осторожностью.

В заключительной части статьи хотелось бы рассмотреть чрезвычайно любопытную, хотя и весьма противоречивую, если не сказать загадочную жалованную грамоту, датированную в нынешнем ее виде 25 августа 1535 г. и надписанную именем вел. кн. Ивана Васильевича⁷¹. Адресатами пожалования выступают в ней «дворяне» Степан и Ро-

71. АСЗ. Т. 1. № 284. Грамота дошла до нас в копии 1780-х гг. со списка 1685/86 г.

ман Матвеевичи Хвошинские-Софроновские⁷². Для нас эта грамота интересна прежде всего тем, что объектом пожалования в ней стали земли и селения волостей Нюховы⁷³ (сельцо и пять деревень) и Волконы (две деревни)⁷⁴, отнесенные в дошедшем до нас тексте — первые одновременно (!) к Тульскому и Алексинскому уездам, вторые только к Алексину.

72. Оба они известны по писцовой книге Тульского уезда 1587–1589 гг. (ПКМГ. С. 1081, 1082, 1092, 1135–1141 и др.). Роман Хвошинский прямо назван здесь сыном Матвея (Там же. С. 1092), Степан уверенно идентифицируется с братом Романа, поскольку последний и вдова Степана с сыном имели общий двор в Туле (Там же. С. 1081, 1082, ср.: С. 1092). Кроме того, Роман Матвеев сын Хвошинский/Хвошценского упоминается как один из «голов» в сторожевом полку на Туле в 1560 г. (РК 1598. С. 188; РК 1605. М., 1982. Т. 2. С. 73) и как участник посольства в Нагаи в 1564 г. (ПСРА. Т. 13. 2-я пол. С. 383, 384). Степан ко времени ее составления уже умер (упомянуты его вдова и дети), Роман, по-видимому, скончался в процессе работы писцов: при перечислении дворов и лавок на Туле он еще упоминается как живущий (ПКМГ. С. 1074, 1076, 1081), но в описании Нюховского стана о нем говорится как об умершем (Там же. С. 1136). Последнее его упоминание в разрядных книгах относится к 1582 и 1585 гг. (РК 1598. С. 331; РК 1605. М., 1984. Т. 3. Ч. 2. С. 63). Это означает, что получателями грамоты, составленной при Иване III (см. далее), они быть не могли. Все или почти все (см. следующую сноску) перечисленные в грамоте перед Волконой населенные пункты указаны в писцовой книге 1587–1589 гг. как поместья различных членов рода Хвошинских (Там же. С. 1135–1137; д. Кутепова на с. 1135 ошибочно, вследствие плохой сохранности этой части оригинала книги, названа «Куипова»).
73. Это название в сохранившемся тексте грамоты почему-то оказалось выпущенным, однако сравнение перечисленных в ней населенных пунктов с тульской писцовой книгой 1587–1589 гг. показывает, что все (если принять два последних отождествления, предложенных ниже) или почти все поименованные в грамоте сразу под двумя уездами поселения присутствуют и в писцовой книге, которая помещает их в Нюховском стане Тульского уезда (волостная организация была в нем вытеснена, как и в других южных уездах, становой). Полностью совпадают названия: сц. Семеновское, дд. Обидома, Кутепова, Котова (Там же. С. 1135–1137, 1139); д. Воронова грамоты — это, возможно, искаженное переписчиком название д. Ворыпаево (Там же. С. 1136); д. Саркова — это д. Салково (Там же; на карте обозначена как Салькова). На карте начала прошлого века те же поселения показаны на небольшом расстоянии друг от друга, к северо-западу от Тулы, вблизи обозначенных, но не подписанных рр. Волоти и Нюховки (Специальная карта ... Л. 58).
74. Эти деревни показаны на быв. территории Волконы в алексинской писцовой книге 1628–1629 гг. как частично принадлежащие Хвошинским (Дедук А.В., Шеклов А.В. Писцовая книга Алексинского уезда ... С. 37).

По аргументированному мнению издателей, данный документ мог быть фальсифицирован⁷⁵. Он содержит ряд явных анахронизмов, нетипичных для общепринятого языка княжеских канцелярий выражений, вопиющих нарушений формуляра и т.п. На наш взгляд, фальсификация (или, если угодно, своего рода интерполяция) этого акта вне всяких сомнений. Необходимо определить характер и механизм изменения первоначального текста, а также понять, каким образом перечисленные в грамоте географические реалии соотносятся с ее основной частью и к каким именно хронологическим пластам они принадлежат.

Рассмотрим сначала конкретные доказательства осуществленного подлога. Прежде всего, бросается в глаза, что в указанное в самой грамоте время не могло состояться пожалование, выданное одним и тем же лицом на земли и в Тульском, и в Алексинском уезде. Последний еще находился тогда под властью кн. Андрея Ивановича Старицкого, которому Тульский уезд никогда не принадлежал. Конструкция, общенно называющая уезды, которых касается пожалование, абсолютно нетипична и даже невообразима для жалованных грамот рассматриваемого времени. Из этого следует, что в выражении «в Тульском да в Олексинском уездех» или два первых, или два последних слова добавлены фальсификатором/интерполятором. Также нетрудно заметить явное отклонение от нормы в именовании получателей (добавление слова «дворянам») и расположение имен адресатов после перечня объектов пожалования, абсолютно противоречащее общепринятому формуляру XV–XVI вв. В числе других отступлений от стандартного формуляра жалованных грамот следует назвать пропуск пояснения о даче земель «в поместье», добавление слов «пашни две сохи»⁷⁶, отчество с «вичем» и вторую фамилию жалованников, упо-

75. Так в заглавии к акту, в хронологическом перечне опубликованных документов и в оглавлении эта же грамота названа интерполированной — уже без знака вопроса (АСЗ. Т. 1. С. 353, 428). Развернутый комментарий к акту, в котором издатели могли бы высказать свою точку зрения на характер и причины интерполяции, к сожалению, отсутствует.

76. Не использовал ли фальсификатор в этом и некоторых других случаях выписки из писцовых книг?

минание об их новгородском поместье. Анахронизмом для грамот второй трети XVI в. является слишком широкий для светского бенефициара податной иммунитет, запрет на прием переселенцев с великокняжеских земель, угроза «казни» нарушителям грамоты. Менее значительные анахронизмы и нарушения формуляра отмечены в наших примечаниях к тексту грамоты.

Далее предлагается воспроизведение опубликованного текста памятника, в котором нами были выделены курсивом предполагаемые интерполяции в текст оригинальной грамоты, подчеркиванием — вероятная реконструкция утраченного текста оригинала автором существующего текста, жирным — элементы, не выходящие в великокняжеских грамотах светским владельцам за время правления Ивана III⁷⁷.

«Се аз, князь великий Иван Васильевич всеа Руссии, пожаловал есмь в Тульском да в Олексинском уездех селцом Семеновским, да деревнею Обидомою, да деревнею Сарковою, да деревнею Вороновою, да деревнею Котовою, да деревнею Кутеповою⁷⁸, а в Олексине в волости Волконе деревнею Нероновою да деревнею Седелниковою, пашины две сохи, дворян⁷⁹ Романа да Степана Матвеевичев Хвощинских Софроновских⁸⁰ вместо новгородского их поместья, столко ж, что было у них в Великом Новгороде. И кого Роман да Степан в то селцо и деревни **перезовут жити людей из ьных княжений, а не из моей вотчины, великого князя**, и тем людем пришлым не довать дани пять лет. Также кто у них в том селце и в деревнях ныне живут людей, да и тем людем так же, что и пришлым **не довать же никакие дани**⁸¹, **ни томга, ни весчая**⁸², **ни**

77. Вероятные орфографические и прочие несущественные искажения не принимаются во внимание, поскольку публикуемый акт дошел до нас во вторичной и очень поздней копии.

78. Далее пропущена стандартная формула «со всем тем, что к тому селцу и деревням (изстарини) потягло».

79. Определенно позднейшее добавление. Здесь возможно было выражение «слут своих» (ср.: АРГ. № 119).

80. Под фамилией Софроновские источникам XVI в. представители рода неизвестны.

81. Пропущено «пять (?) лет» или же фраза изменена таким образом, что временный характер освобождения старожильцев от дани (подтверждаемый в конце документа) оказался затемнен.

82. Исправлено издателями из «вобщая».

явка, ни гостиного⁸³ двора ни властелиного не ставить⁸⁴, ни коня кормить и сена ни косить, ни к сотским ни к дворским ни к десятичким не тянут ни в какие⁸⁵ протори и розметы[,] им не надобет и некоторые пошлыны⁸⁶. А людей им моих, великого князя, данных⁸⁷ в село и в деревни не принимать. А⁸⁸ намесницы мои тулские и алексинские и властели и тиуны Романа да Степана и людей их не судят ни в чем, опричь душегубства и розбою и татьбы⁸⁹ с поличным, ни кормов у них не емлют своих⁹⁰, ни доводчики и⁹¹ поборов у них не берут и ни въезжают у них ни по что⁹², а ведают и судят тех людей Роман да Степан сами или кому прикажут. А будет суд смешной, и намесницы мои и властели и тиуны судят, а Роман да Степан с ними же судят, или их прикащик, а присудом делят наполю. А кому будет чего искать на Романа да на Степана, или на их прикащике, и их сужу яз, великий князь, сам или мой боярин введенной. А отсидят их люди пришлые лета урочныя, и те которые ныне у них живут, и они потянут в мою дань по силам. А кто через сю грамоту их или людей их избидет, и тому быть от меня, великого князя, в казни⁹³.»⁹⁴

83. Описка вместо «моего»?

84. Такой набор иммунитетных привилегий совершенно нетипичен для жалованных грамот XV–XVI вв., нам не удалось обнаружить ни одной грамоты, содержащей все вышеперечисленные элементы одновременно.

85. «В какие» исправлено издателями из «всякие».

86. Искаженное «ни иные им некоторые пошлыны не надобет».

87. Исправлено публикатором из «донских». Надо: «данских» (например, см.: АФЗХ. Т.1. С.86).

88. Как правило, подобная несудимая клаузула начинается словами вроде: «А кто у них в том селе и деревнях учнет жити людей, и...». Однако возможно и иное построение текста, близкое представленному здесь (см.: АРГ. № 83, 84, 98, 99, 118, 133, 147, 189).

89. Такое добавление даже в жалованных грамотах Василия III духовным лицам встречается лишь в исключительных случаях (Там же. № 220).

90. Исправлено в публикации из «сами».

91. Последние три слова соответствуют, очевидно, поврежденному месту оригинала и должны читаться: «а праведчики и доводчики...».

92. Статья об освобождении от наместничьего корма и поборов праведчиков и доводчиков может в виде исключения встречаться и в жалованных грамотах Василия III светским лицам (Там же. № 16).

93. Подобная статья иногда встречается в жалованных грамотах Ивана IV.

94. Далее следует стандартный эсхатолог.

Авторы публикации с полным основанием усматривают в содержании и языке ныне существующего текста характерные признаки жалованных грамот второй половины XV в.⁹⁵ Мы могли бы добавить к этому, что никакая его часть, за исключением 1) проставленной даты, 2) персоналий и 3) упоминания Тульского уезда, не может быть отнесена *исключительно* к первой трети XVI в. Сказанное заставляет предполагать, что основным источником сохранившегося текста (далее СТ) явилась некая жалованная грамота времени Ивана III (тоже великого князя Ивана Васильевича!). Эту реконструируемую грамоту (далее РГ) можно датировать точнее. Она возникла, если содержащиеся в СТ биографические сведения о бенефициарах действительно относятся к ее получателю или получателям, после 1471 г., когда началась раздача поместий в Новгороде. Что же до *terminus ad quem*, то его определение наталкивается на серьезные препятствия. Хотя известно, что с конца 1490-х гг., *как правило*, прекращается выдача великокняжеских грамот с освобождением (присутствующим в СТ) от сборов в пользу местной администрации (наместников, волостелей, доводчиков и праведчиков),⁹⁶ процесс ограничения иммунитета происходил постепенно, и обозначившееся правило еще долгое время знало немало исключений.

Если наличие раннего текста сомнений не вызывает, то для констатации существования более позднего источника (предполагаемой аутентичной грамоты 1535 г.), который мог быть дополнен посредством РГ, достаточных текстологических оснований, как представляется, нет. Как же в таком случае объяснить присутствие в СТ отмеченных выше реалий XVI ст.? Можно предложить следующую схему возникновения СТ. В руки некоего заинтересованного лица (далее ЗЛ) попала

95. К сожалению, соответствующие места не были ими отмечены. Ср.: АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 278, 291, 305, 341, 416, 419; М., 1958. Т. 2. № 169, 473, 475; М., 1964. Т. 3. № 63–65, 71, 72, 75, 101, 110, 186, 203, 243; АФЗХ. Т. 1. № 212; Т. 2. № 1; АЮ. № 27, 31 и др.; АРГ. № 133.

96. *Флоря Б.Н.* Податные привилегии светских феодалов в период образования единого Русского государства // Россия XV – XVIII столетий: Сб. научных статей: Юбилейное изд. [к 70-летию со дня рождения Р.Г. Скрынникова]. Волгоград–СПб., 2001. С. 34); ср.: *Капитанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1989. С. 20.

жалованная грамота Ивана III (она же РГ), выданная кому-то из Хвоцинских на сельцо и деревни в Алексинском уезде⁹⁷, а именно в Ньюхове и Волконе, причем название первой из этих волостей либо изначально отсутствовало в РГ⁹⁸, либо было утрачено. По-видимому, были сильно повреждены или утрачены все ее начальные строки (примерно до начала перечисления жалуемых мест)⁹⁹. Утраченное начало было частично восстановлено по сохранившимся частям текста (например, имя и титул жалователя, указание на уезд), частично сконструировано самим ЗЛ. По этой причине именно начальная часть СТ содержит почти все анахронизмы и нарушения формуляра. Переработанная таким образом РГ получила новых адресатов и новую дату (очевидно, как-то связанную с деятельностью первых), а также была дополнена более актуальной на тот момент информацией, а именно указанием на принадлежность перечисленных в РГ владений, «осиротевших» вследствие утраты части текста, к Тульскому уезду (при этом указание на волость/стан не было восполнено, видимо, по недосмотру)¹⁰⁰. С другой стороны, упоминание в середине и в конце текста одних только алексинских наместников не оставляло сомнения в том, что и первая группа перечисленных в грамоте селений относилась к Алек-

97. Иван III владел Алексинском по духовной своего отца (ДДГ. С. 194).

98. Ср.: АСЗ. Т. 1. № 75.

99. Только этим, на наш взгляд, можно объяснить наличие в СТ грубейших ошибок, резко снижающих достоверность подделки, а в случае более тщательного разбирательства — выдающих фальсификатора «головой». Из этого также следует, что ЗЛ не имело перед собой иных аутентичных образцов, что говорит в пользу позднего и/или провинциального происхождения подделки. Возможно и альтернативное объяснение. ЗЛ творило в столь позднюю по отношению к РГ эпоху, что даже самые явные несуразности уже не могли повредить авторитету СТ. Но этому предположению противоречит очень внимательное отношение автора СТ к старому и новому названию уезда (см. ниже). Значит, достоверность СТ была этому лицу небезразлична, и все ошибки возникли не из-за пренебрежения к исторической точности, а в силу причин, не зависящих от воли ЗЛ.

100. Возможно, оказался подновленным и сам перечень пожалований. В упомянутой писцовой книге при некоторых поместьях Хвоцинских добавлено «что было за» (далее фамилия чужеродца), и лишь об одном из них сказано: «Старое отца его поместье» (ПКМГ. С. 1135–1136). Вышеприведенная помета может означать, что в предшествующей писцовой книге (Там же. С. 1154), ныне утраченной, владельцами этих поместий были показаны представители других родов.

синскому уезду. Не находя выхода из возникшего диссонанса, ЗЛ приняло решение, вставив в СТ упоминание Тульского уезда, «на всякий случай» сохранить и название Алексинского¹⁰¹ — так в СТ появилась одна из самых грубых его ошибок¹⁰². Кроме того, пытаясь закрепить в поддельной грамоте некоторые элементы фамильной легенды, ЗЛ ввел в СТ еще ряд анахронизмов (см. выше). При этом было допущено еще одно грубейшее нарушение аутентичного формуляра — перечень жалуемых объектов и имена бенефициаров поменялись местами.

Таким образом, согласно нашей гипотезе, ныне существующая жалованная грамота является не результатом интерполяции более ранних элементов формуляра и прочих прибавлений в текст грамоты 1535 г. (если таковая и существовала когда-то, то в распоряжении ЗЛ ее не было), а передатированной, отчасти также реконструированной, подправленной и интерполированной грамотой времени правления Ивана III. Контаминацию двух разновременных, но близких по содержанию грамот следует исключить по той причине, что в таком случае следовало бы предположить утрату начального текста сразу в обоих документах, что серьезно усложняет все построение. Труднее понять мотивы передатировки грамоты и подмены имен адресатов. Ведь имея в своих руках старинную грамоту, пусть и весьма ветхую, с перечислением владений, которые род Хвоцинских сохранял в течение как минимум двух столетий после ее получения, наше Заинтересованное Лицо (им был, несомненно, кто-то из Хвоцинских или их доверенных людей) могло бы произвести с ней все отмеченные выше операции, не прибегая к замене даты и имени представителя одного из старших поколений рода. Остается думать, что истинный получатель грамоты не был прямым предком автора или заказчика подделки или же не интересовал его в той же степени, в какой были ему близки Р.М. и С.М.

101. При этом автор подделки ненароком оставил еще одну «метку». Прибавив к слову «Олексинском» слово «Тульском», он был вынужден повторить указание на Алексинский уезд перед упоминанием Волконы (что не требовалось в РГ). Так появилась фраза «в Олексине в волости Волконе», где название уезда приведено в недопустимой для жалованных грамот форме, совпадающей с названием города.
102. Необходимые дополнения были сделаны и при упоминаниях алексинских наместников.

Хвощинские, которые отныне должны были стать центральными фигурами в истории тульско-алексинской ветви рода.¹⁰³ Трудно, вместе

103. Родословная легенда Хвощинских имеет много общего с родословцем очень влиятельного в XIV в., но позднее пришедшего в упадок московского рода Мининых-Софроновских, однако несет в себе ряд важных отличий и искажений (ср.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 237 и сл.). Она, в частности, утверждает, что некий Матвей, отпрыск знатного рода Софроновских, имел прозвище Хвощ, от коего и произошло название рода (*Бобринский А.[А.]* Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. СПб., 1890. Ч. 1. С. 444). Матвей «Хвощ» был сыном праправнука Дмитрия Минича «Софроновского», который, в свою очередь, был «в боярах», по одному варианту легенды, у вел. кн. Василия Дмитриевича, по другому — у Дмитрия Донского. Следовательно, этот Матвей жил не ранее последней трети XV в. и вполне мог быть получателем РГ. По возрасту он скорее годился бы в деды, чем в отцы С.М. и Р.М. Хвощинским, но при условии долгого срока жизни последних и их рождения у уже немолодого отца вполне допустимо считать их сыновьями самого основателя рода. Прозвище «Хвощ», между тем, следует признать генеалогическим артефактом, призванным связать фамилию Софроновских с фамилией Хвощинских. Образование фамильного прозвища «Хвощинский» от слова «Хвощ» невозможно: потомки Матвея Хвоща должны были бы зваться Хвощевыми. Двойная фамилия в жалованной грамоте, созданная под влиянием той же легенды, явно искусственна, писцовые книги, как и разрядные, знают представителей рода только под фамилией Хвощинских. Другим ветвям рода легенда о происхождении от Софроновских, по видимому, была неизвестна или же со временем забыта (см.: Там же. СПб., 1890. Ч. 2. С. 100). С другой стороны, в Каширском уезде, прямо у тульского рубежа, к тому же в непосредственной близости от земель, принадлежавших Хвощинским, упоминаются р. и с./сц. Хвошна и с. Хвощино (Хвошин Корь) (ПКМГ. С. 1469, 1470, 1475–1478). Образование фамильного имени Хвощинских от слова Хвошна/Хвощино не только возможно, но и, принимая во внимание сопутствующие обстоятельства, весьма вероятно. Чуть более удаленный от Поля и, соответственно, раньше ставший доступным для колонизации Каширский уезд выглядит естественной базой для служилой фамилии, расселившейся впоследствии на землях Алексинского, Тульского и Веневского уездов (одна из ветвей рода обосновалась даже в Звенигороде) (см.: Писцовые книги. Указатель. СПб., 1895. Ч. 1). Что же касается новгородских корней Хвощинских, то и они не кажутся невероятными. Известно, что праправнуки Дмитрия Минича стали новгородскими помещиками (*Веселовский С.Б.* Исследования... С. 237 и сл.). Один из представителей следующего поколения Софроновских (Матвей) мог на рубеже XV–XVI вв. получить поместье сначала в Каширском уезде, приобретя там новое прозвище, а затем в Волконе и Нюхове. Поместья в последних двух волостях затем, вероятно, перешли к его младшим сыновьям, одного из которых в конце 1580-х гг. еще застали в живых писцы. Каширская ветвь Хвощинских, судя

с тем, представить, что столь грубо и неумело сработанная подделка могла иметь успех у властей. Скорее всего, СТ, не имеющий записей о подтверждении, был создан уже после прекращения действия льгот РГ и не предназначался для защиты имущественных прав Хвощинских. Первый известный список СТ был сделан в 1685/86 г. Интересно в этой связи узнать, что в 1685 г. был бит кнутом некий Феодосий Филиппов Хвощинский за то, что он «своровал, на порожном столбце составил было запись»¹⁰⁴. Относится ли этот случай к интересующей нас грамоте или нет, очень вероятным видится создание СТ в связи с массовой подачей родословных росписей и подтверждающих их документов дворянскими родами после отмены местничества.

Возвращаясь от истории и текстологии грамоты Хвощинских к основной теме статьи, следует отметить, что, если наша гипотеза верна, в распоряжении исследователей теперь имеется в целом сохранный текст древнейшей жалованной грамоты на земли Алексинского уезда, притом как раз тех его волостей, которым предстояло, вопреки последней воле Ивана III, быть разделенными между двумя разными уездами и уделами¹⁰⁵. Это позволяет, во-первых, убедиться в том, что формирование данного уезда в его расширенных границах произошло уже при жизни Ивана III и что в него действительно вошли тогда Ньюхова и Волкона¹⁰⁶, и во-вторых, отбросить последние сомнения,

по отсутствию соответствующих отчеств, была представлена в то время в старшем поколении его внуками. От С.М. Хвощинского, видимо, пошла волконско-алексинская ветвь, слабо обеспеченная тульскими поместьями (см.: *Дедук А.В., Шеков А.В.* Писцовая книга ... С. 37; ср.: ПКМГ. С. 1081–1082, 1135–1138), потомки его брата остались в Туле. Не исключено, что создание СТ был вызвано стремлением потомков Романа и Степана отмежеваться от других потомков Матвея и именно с этой целью старая поместная грамота Матвея была приписана основателем алексинско-тульской ветви рода.

104. *Введенский А.* Фальсификация документов в Московском государстве XVI – XVII вв. // Труды Историко-археографического института Академии Наук СССР. Т. 9. Проблемы источниковедения. Сб. 1. М.–Л., 1933. С. 108.

105. Уделом, строго говоря, считалась и доля великого князя.

106. Подтверждается и существование в это время в уезде полноценной администрации, включая волостей («А намесницы мои[...] алексинские и властели и тиуны[...]»), ср. жалованную грамоту Андрея Старицкого на Алексин 1519 г., не знающую волостей (АСЗ. Т. 1. № 75).

допускающие, что Волкона и Алексин могли быть исключены из удела Андрея Старицкого к 1535 г.

Список сокращений

АРГ — Акты Русского государства: 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1975.

АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков.

АЮ — Акты XIII–XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Изд. А. Юшков. М, 1898.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Отв. ред. С.Б. Бахрушин. М.; Л., 1950.

ПДСПЛ — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским / Ред. Г.Ф. Карпов. СПб., 1882. Т. 1 (Сб. Русского исторического общества. Т. 35).

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства / Изд. Русское географическое общество. Ч. 1. Писцовые книги XVI века / Ред. Н.В. Калачов. СПб., 1877. Отд. 2.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РК 1598 — Разрядная книга 1475–1598 гг. / Ред. В.И. Буганов. М., 1966.

РК 1605 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Ред. В.И. Буганов.

СГД — Собрание государственных грамот и договоров.

Библиография

Бенцианов М.М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. №4(50). С. 64–76.

Бобринский А.[А.] Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. СПб., 1890. Ч. 1.

Борзаковский В. С. История Тверского княжества. М., 2006.

Введенский А. Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв. // Труды Историко-археографического института Академии Наук СССР. Т. 9. Проблемы источниковедения. Сб. 1. М.–Л., 1933.

Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 101–131.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.

Государственный архив России XVI ст.: Опыт реконструкции / Подг. текста и комм. А.А. Зимина. М., 1978.

Дедук А.В., Шеков А.В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/1628–1628/1629 г. как источник по исторической географии Верховских княжеств // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. №3. С. 34–41.

Зимин А.А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Кн. 24. С. 284–286.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960.

Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972.

Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.

Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 161–188.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988.

Иглесиас Р.Ф. К вопросу о предполагаемом наследнике Василия III между 1505 и 1530 гг. // Каптеревские чтения – 15 / Отв. ред. Н.П. Чеснокова. М., 2017. С. 235–306.

Каиштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.

Каиштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV–первой половины XVI в. М., 1967.

Каиштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1989.

Каиштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.

Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.

Монин М.А. Планета Тверь. Культура Тверского княжества периода независимости (1247–1485 гг.). М., 2016.

Филлюшкин А.И. Василий III. М., 2010.

Флоря Б.Н. Податные привилегии светских феодалов в период образования единого Русского государства // Россия XV – XVIII столетий: Сб. научных статей: Юбилейное изд. [к 70-летию со дня рождения Р.Г. Скрынникова]. Волгоград–СПб., 2001.

Хоруженко О. И. Родословие как конструкция родовой памяти: Текстология родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 203–234.

**The Territory of the Staritsa appanage: Formation and Evolution
(new approaches)**

Ricardo F. Iglesias

Institute of World History of Russian Academy of Sciences

riglesias@mail.ru

Abstract. This paper explores the controversy concerning territorial changes made to the appanages envisaged by Ivan III's will. The study is focused on the appanage of Staritsa designated to Prince Andrey considering its original territory, possible alterations in its boundaries, the time of creation. There is also a source study on the falsified charter of the Khvoschinsky family, which is of importance for the theme.

Keywords: appanage, Staritsa, prince, territorial changes, Khvoschinsky charter.